

Н. В. Карначук

ЭРОЗИЯ ЧУВСТВА КОММУНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССИИ И ПЛОЩАДНЫЕ БАЛЛАДЫ в 1560-1630 гг.

В статье исследованы параллельные изменения в погребальной процессии в дворянской среде и трансформации площадной литературы в начале XVII в. Начиная с 1612 г., росла популярность ночных похорон – менее обременительных материально, обращенных более к личному переживанию потери, чем к публичному акту единения общины. Отмечены особенности жанра площадной баллады-эпитафии и стабильность этого рода литературы на протяжении второй половины XVI в. Показано, что одновременно с ростом популярности ночных похорон площадная баллада претерпела ряд количественных и качественных изменений. Предложена гипотеза о связи этих явлений и их влиянии на самовосприятие городского сообщества.

Ключевые слова: Англия раннего Нового времени, площадная литература, эпитафия

Эдмунд Бонер, епископ Лондона в годы правления Марии Тюдор, обесславленный в «Книге мучеников» Фокса как жестокий тиран и истязатель истинно верующих, скончался в тюрьме Маршалси в сентябре 1569 г. Во избежание публичных скандалов и проявлений ненависти, он был похоронен очень тихо и в ночное время. Однако смерть его и похороны не остались незамеченными: печатная баллада об этих событиях разошлась по Лондону во множестве экземпляров. О погребении католического епископа автор баллады судил так: «Поскольку свет он не любил, но презирал его, он похоронен в полночь был, вдали от глаз людских»¹. В июле 1616 г. леди Анна Клиффорд, горя о смерти своей почтенной матери, записала в дневнике: «...мы прибыли в Эпплби около получаса после одиннадцати, и примерно в 12 ее тело было предано земле. К трем часам утра мы вернулись домой...»².

Менее чем за полвека полуночная погребальная церемония, лишённая всякой публичности, превратилась из позорного клейма в широко распространенный в дворянской среде ритуал. Точнее было бы сказать, что перемена произошла почти моментально: до 1612 г. в Англии не было принято устраивать ночные похороны высородных особ или почтенных горожан. Однако в сентябре 1612 г. Иаков I проложил дорогу новому обычаю, организовав перенос останков своей матери, королевы Марии Стюарт, в Вестминстерское аббатство. Поскольку в пост-елизаветинской Англии пышное публичное перезахоро-

¹ «And sith he loved not the light, but did the same despise: At midnight was he buryed there, from vewe of peoples eyes». EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32094/xml>
² English family life. 1988. С. 202.

нение казенной католички было бы немислимым, церемонию скрыли от глаз широкой публики, организовав ее в поздние часы, практически ночью [Range 2016: 29]. Очевидна причина выбора ночного времени, а также ощущение и королем, и двором, и подданными некоторой неловкости. Некогда сама Мария Стюарт распорядилась похоронить своего мужа, Генри Дарнли ночью, тихо, без королевской торжественности, в отсутствие лиц благородного происхождения – и тем дала дополнительную пищу слухам о своей причастности к его убийству [Lang 1819: 29]. Таким образом, как в Шотландии второй половины XVI в., так и в Англии в начале XVII в. полуночные тихие похороны были отчетливо маркированы во всех слоях общества как аномальные, так или иначе ущемляющие честь покойного или намекающие на преступление.

Однако после 1612 г. в придворных кругах, прежде всего среди шотландцев, прибывших в Лондон в свите Иакова, ночные погребения, «похороны при свете факелов», стали распространенным явлением. К концу 1630-х они превратились в традиционные в аристократической и, шире, дворянской среде, ритуал их «уже полностью устоялся» [Gittings 1997: 25]. Перенос похорон с дневного времени на ночное, неоднократно отмечен исследователями, очерчен и круг вероятных причин изменения в погребальном ритуале. По С. Слейтеру, это было «восстание знати» против заоблачных цен на пышные геральдические похороны [Slater 2006: 47]. Процесс погребения знатных лиц в эпоху Елизаветы был сложным и крайне дорогостоящим ритуалом, а монопольное право организовывать церемонию принадлежало Геральдической палате. Герольды фиксировали факт смерти, определяли количество траурных знамен, флагов и значков, полагающихся покойному по его титулу и рангу, утверждали количество и порядок следования высоких персон в траурной процессии, руководили всей церемонией и получали у родственников умершего необходимые на организацию суммы [Litten 2007: 26-28]. Официальная королевская монополия, выданная Геральдической палате еще в первой половине XVI в., была подтверждена Елизаветой и просуществовала очень долго³. Плата за организацию похорон стабильно росла и к концу века достигла гигантских размеров. Хорошо известен неординарный, но все же пребывающий в русле общей тенденции казус, когда пышные похороны сэра Филиппа Сидни одновременно поразили воображение современников и разорили тестя покойного, сэра Фрэнсиса Уолсингема, оплачивавшего их [Range 2016. С. 8].

Шотландские придворные нового английского короля воспользовались тем, что не попадали в сферу действия английской Геральдической палаты и фактически с нуля создали новый похоронный ритуал. Он включал в себя факельное шествие, в котором присутствие и место

³ Laqueur 1983. С. 113. Окончательно монополия была отменена Вильгельмом III.

в процессии были менее жестко зафиксированы, где не требовалась неременная оплата траурного оформления церкви и траурных одеяний для членов процессии, а также сокращена была раздача одежды и угощения плакальщикам из числа бедноты. Новый порядок в буквальном смысле приблизил к гробу родных покойного, в т.ч. допустил определенное гендерное смешение (в елизаветинскую эпоху умершего мужчину окружали мужчины равного с ним социального ранга, женщины же были исключены из шествия, и, наоборот, женский гроб окружали преимущественно женщины). В целом, формат ночных похорон XVII в. был приватным, в противовес публичным дневным похоронам.

Как полагает Клара Гиттингс, в допущении подобных новшеств сыграла роль усилившаяся с приходом Реформации индивидуализация переживания смерти. Отказ от идеи чистилища и возможности живых повлиять на загробную участь их близких ослабил связи между живыми и мертвыми, однако взамен сыграл на упрочение связей между оставшимися в живых. Постепенное ослабление корпоративных связей привело и к психологическому обособлению личности, повлияв на переживание утраты близкого. Ритуал же публичных похорон XVI в., с чем дружно соглашаются исследователи, был призван продемонстрировать незыблемость социального порядка и сплоченность общины, корпорации, сословия перед лицом смерти, вырывающей людей из ее среды. Для выражения персонального горя он не был предназначен, более того, несдержанность чувств при похоронах супруга или близкого родственника вызывала, по крайней мере, в придворной среде, сдержанное осуждение. Но в определенный момент проявилась потребность «подчеркнуть ритуалом скорее личную утрату, чем публичное выражение силы, что и привело к моде на ночные похороны» [Gittings 1984: 197].

Наложил отпечаток на формирование новой традиции и гендерный аспект. Судя по завещаниям, начиная с 1630-х гг., женщины чаще мужчин желали быть похороненными ночью, с соблюдением самых скромных ритуалов. Леди Мирабелла Беннет, вдова, в 1639 г. просила в завещании, чтобы «ни герольд, ни знаток геральдики не присутствовали на ее похоронах», и церемония была проведена вечерней порой, тихо, без флагов [Gittings 1997: 21]. Леди Джудит Крисп в 1700 г. предписала, чтобы ее похоронили «в одиннадцать часов ночи, в самом узком кругу, так скромно, как только возможно» [Brady 2006: 78]. Поздний час похорон ассоциировался со смирением и скромностью, стремлением избежать публичности, что пристало женщине, но не было обязательной добродетелью мужчины. Видимо, поэтому во второй половине XVII в. преобладали женские ночные похороны. Женское тело было в принципе менее «публично», чем мужское: параллели проводятся со способами публичной казни, в процессе которой мужское тело часто обнажалось, выставлялось напоказ и расчленялось, женское же, как правило, остава-

лось прикрыто одеждой [Brady 2006: 7]. Во второй половине XVII в. отмечены случаи, когда бальзамирование (почти неизменный атрибут елизаветинских похорон знатных персон) рассматривалось как поругание скромности женщины, тело которой, нагое и беззащитное, оказывалось в руках посторонних мужчин [Litten 2007: 119-120].

Таким образом, традиции ночных похорон возникла достаточно спонтанно, но быстро распространилась, поскольку позволяла экономить средства, а постепенно обрела и моральное оправдание через стремление к христианской скромности и смирению. Внешне кажется, что эта перемена вполне безболезненно вписалась в культурные рамки социума, вернее, ограниченной социальной страты – аристократии и дворянства⁴. Радикальный слом в одной из знаковых и значимых сфер человеческого бытия для современников прошел, по всей видимости, незамеченным. XVI век для Англии, как и для Европы, был временем потрясения многих основ: религиозные, социальные, экономические, политические, гендерные устои претерпевали серьезные изменения, и современники остро реагировали на них, источники позволяют проследить массовые беспокойства, которое вызывали перемены. Однако перемена в традиции похорон знати прошла практически неотрефлексированной. Дневники и письма первых десятилетий XVII в., памфлеты и полемические сочинения не поднимали тему ночных похорон. Детально описывая дневные похороны и сопровождавшие их процессии, современники лапидарно отмечали сам факт ночных погребений, не давая понять, какую реакцию у них вызвал новый обычай⁵.

Между тем, это равнодушие современников выглядит загадочно, если вспомнить, что ночные похороны в Англии, вплоть до XVII в., недвусмысленно маркировали покойного как нарушителя законов человеческих или божеских, как отверженного. Причем носители этого убеждения не принадлежали к низшим социальным стратам, оно было общераспространенным, включая дворянскую среду: его так или иначе воспроизводят и документы законодательной власти, и церковные документы, и литературная, и фольклорная традиция. Чаще всего ночами хоронили преступников или «нечистых» существ. Это могла быть женщина, умершая родами, которую обычай предписывал похоронить не позже 24 часов после смерти [Cressy 1999: 427]. Это были самоубийцы, которых на следующую ночь после смерти «официальные лица прихо-

⁴ За пределы благородного сословия традиция «похорон с факелами» в Англии не вышла, известны очень немногочисленные исключения. Лишь во время большой эпидемии чумы 1660-х гг. ночные похороны горожан стали в Лондоне привычной картиной – но именно похороны жертв болезни [Harding 1993: 58]; «ночные похороны должны были посылать различные сигналы, в зависимости от социальной страты» [Cultures of Death and Dying... 2015: 27].

⁵ The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities...

да, церковные старосты и их помощники, несли на перекресток дорог и бросали в вырытую могилу обнаженными. Тело протыкали деревянным колом, после чего яму засыпали. Молитв о покойном не звучало, священник не присутствовал» [MacDonald, Murphy 1990: 15]. Причем этот обычай сохранялся и в XVII в., а значит, продолжал существовать параллельно с аристократическими «факельными похоронами». И, разумеется, именно ночью хоронили вероотступников, в т.ч. и упомянутого выше Эдмунда Бонера. В XVII в. был распространен обычай зарывать их в землю внутри церковной ограды, но в специально выделенном углу кладбища (как правило, у северной стены), и организовывать погребения после наступления темноты.

Символика ночи в XVI и первой половине XVII в. в целом основывалась на отрицательных и пугающих образах: это было время дьявольских соблазнов и преступлений, в лучшем случае – одиноких созерцательных размышлений о Боге. Достаточно вспомнить риторику Лютера и Цвингли, Эразма Роттердамского и Томаса Мора, для которых, при всем различии их взглядов, ночь неоспоримо была синонимом тьмы и заблуждения, олицетворяла ослепление, ошибки в выборе пути и духовное смятение. Трактат Томаса Нэша с характерным названием «Ужасы ночи» (вышел в 1594 г.), живописал эти ужасы, называя ночь «матерью отчаяния и дочерью ада» [Nashe 1904: 341], и эту точку зрения разделяли другие представители университетской и литературной среды. Спускаясь ниже по социальной лестнице, мы находим массу площадных текстов, также сближающих ночь со страхом смерти и посмертного суда и явлением Дьявола⁶, с папским Римом и ложными вестями⁷, с обманами и бесчестьем развратных шлюх⁸. Ночь могла ассоциироваться с лишением радости, потерей, смертью и холодом. Традиционная риторика, называющая монарха светилом, шла рука об руку с описанием печали и ночного мрака, который приносит отсутствие суверена. В памфлете, посвященном возвращению Карла I из Шотландии в Лондон, столица рисуется погруженной в отсутствие короля во тьму «постоянной мрачной ночи», в которой «всякая радость исчезает» [Hart 1994: 161]. В площадной балладе 1570–1580-х гг. читаем: «Ночью, ложась, будь готов принять: свой сон, свою смерть, свою кровать, свою могилу»⁹.

Однако момент смерти и момент погребения имеют различное социально-психологическое наполнение. Похороны XVI в. всегда были нацелены прежде всего на преодоление смерти: они утверждали как надежды на посмертное спасение души умершего, так и «чувство лок-

⁶ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/20025/xml>

⁷ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32480/xml>

⁸ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/20217/xml>

⁹ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32168/xml>

тя», ощущение витальности социума и социального порядка, что были призваны продемонстрировать все детали погребального ритуала. Похороны были публичным действием, в ходе которого окончательно фиксировалась коммунальная память об умершем, в то время как смерть воспринималась индивидуальным переживанием, последним актом разговора смертного грешника с Богом. Едва ли не единственным средневековым действием, связанным со смертью и привязанным к темному времени суток, было зажжение свечей и бдение у тела покойного: обряд, в котором отчетливо видны следы охранительного ритуала «опустевшего» тела от нечисти. Протестантизм в Англии, в числе прочих католических суеверий, вел борьбу и с ночными бдениями, но ритуал продолжал жить в XVII в., постепенно теряя популярность, сохранился и к XVIII столетию, но лишь в северных, наиболее отсталых районах страны и в среде простонародья [Cressy 1999: 428].

Как утверждает Крэйг Козлофски, изменение восприятия ночи, отказ от почти исключительно отрицательных коннотаций с ней были настоящим водоразделом между средневековыми топосами и взглядами Нового времени. Трансформация взглядов была обеспечена процессом улучшения средств освещения и сдвигом рабочего дня в вечернюю зону. Этот водораздел пролегает в Англии между первой и второй половиной XVII в. Именно после 1650 г. городская жизнь и жизнь королевского двора сместились в ночную сторону – время закрытия городских ворот и таверн, а также начала балов и придворных развлечений сдвинулось на несколько часов позднее [Koslofsky 2011: 2]. Ночь стала допустимым временем для проведения различного рода социальных ритуалов и действ. Однако на рубеже XVI–XVII вв. это изменение еще никак не проявляло себя и, возможно, «похороны с факелами» были самым первым шагом в указанном направлении, что не делает этот шаг менее удивительным исключением из правил – поскольку все публичные церемонии XVI – начала XVII вв. происходили в дневное время.

В свете указанной проблемы интересные результаты дает обращение к коммеморативным текстам особого рода, характерного для Англии XVI–XVII вв.: площадным балладам-эпитафиям. Этот жанр – в близком родстве, с одной стороны, с надгробными эпитафиями, с другой – с литературной элегией той эпохи. Такие тексты выполняли функцию сохранения памяти о покойном, а отчасти создавали эту память, отливая ее в окончательные словесные формы. Надгробная эпитафия была лапидарней и долговечнее, литературные элегии часто оставались в рукописи или входили в поминальные сборники в честь покойного, что ограничивало круг читателей представителями одной с ним среды, элитарной в смысле статуса, доходов и уровня образования. Печатные эпитафии, как и прочие площадные тексты, предназначались для самого широкого круга читателей. Издатели старались вы-

пустить баллады на смерть видного лица одновременно или сразу после похорон, когда интерес читателей к событию был особенно силен.

Если траурная процессия наглядно демонстрировала социальный порядок и место в нем покойного, то баллады-эпитафии, наоборот, нивелировали иерархическую заданность, поскольку обращались к представителям всех сословий и озвучивали горе от утраты и надежду на спасение души умершего как всеобщие. В эпитафии на смерть сэра Ричарда Гудрика (1562) о достойном муже скорбит все королевство¹⁰, о сэре Фрэнсисе Уолсингеме (1590) плачет вся Англия и «народ Англии»¹¹, Маргариту Дуглас, графиню Леннокс (1578) провожают совместным скорбным стоном «двор и город»¹². И, даже не указывая на максимально широкий круг оплакивающих, автор площадной эпитафии неизменно выступал от множественного числа, объединяя местоимением «мы» всех, кто мог прочесть или услышать эпитафию. Литературная эпитафия подчеркивала личные переживания автора, друга покойного, который исполнял последний долг дружбы, скорбел, искал утешения и не мог его найти. Например, в элегии на смерть Филиппа Сидни Фалк Гренвилл выражал свое горе, растерянность и гнев на судьбу:

Silence augmenteth grief, writing increaseth rage,
 Staled are my thoughts, which loved and lost the wonder of our age;
 Yet quickened now with fire, though dead with frost ere now,
 Enraged I write I know not what; dead, quick, I know not how¹³.

Но печатная эпитафия, предназначенная широкому читателю, за редчайшим исключением, не знала местоимения «я». Приведу один из многочисленных примеров – эпитафию на смерть епископа Солсбери Джона Джуэла (1562), в которой покойный представлен всеобщей драгоценностью (автор использовал игру слов, поскольку фамилия усопшего созвучна слову «драгоценность»):

The Juell of our joy is gone!
 the happy heavens have won
 The greatest gift that ever was
 with us beneth the sun¹⁴.

Следует отметить, что в площадных балладах, посвященных иным публичным событиям – казням преступников, торжественным въездам монархов, государственным празднествам, авторы чаще выступали от собственного лица, формируя образ рассказчика некоей истории для круга слушателей, выделяя себя из этого круга. Возможно, изменение формулы «рассказчик – слушатели» на «единую общность» в случае

¹⁰ Broadside Black-letter Ballads... С. 29-30.

¹¹ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32407/xml>

¹² EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32417/xml>

¹³ Цит. по: Pinsky 1978. С. 27.

¹⁴ The Roxburghe ballads. 1847г. С. 139.

с балладами-эпитафиями не было результатом сознательного авторского выбора, но отражало автоматизмы восприятия погребальной процессии как универсально значимого, публичного момента.

Порой печатная эпитафия отходила от обобщающей всеобщности скорби и выстраивала перечень тех, кого смерть оплакиваемого лица коснулась ближе всего, и первыми в этом списке всегда шли люди, принявшие от покойного благодеяния. Бедняки, получавшие помощь, несправедливо осужденные, которым нужна была поддержка в суде, люди или даже монарх, нуждающиеся в мудром и взвешенном совете – вот наиболее распространенные категории «плакальчиков», которых находят нужным отметить авторы. Типичная в этом отношении эпитафия сэра Уильяма Лэма (1580) сообщает: «Раздавал он милостыню, когда видел, что в ней есть нужда: одежду для спины, хлеб для рта, корм для голодной души. Был любящим, как агнец, чье имя по праву носил, был глазом слепых и ногой хромых, утешением безутешных, поддержкой больных, отцом сирот, донимаемых острой нуждой, мужем отчаявшихся одиноких вдов; всем благодетель и друг, никому не враг»¹⁵. Здесь, как и во многих других площадных эпитафиях, светская иерархия отставлена в сторону в пользу внесловной, основанной на библейских топосах, общности людей, облагодетельствованных покойным и, в силу этого, ставших гарантами доброй памяти о нем перед людьми и богом.

Одна из баллад на смерть графа Бедфорда самим заглавием обозначает, от чьего имени она исполняется: «Жалоба бедных людей, скорбящих о смерти своего знаменитого благодетеля, достойного графа Бедфорда»¹⁶. Ее структура представляет нечто промежуточное между эпитафией и нарративной морализаторской балладой: бедняки, скитающиеся без приюта и помощи, отвергнутые жестокими лендлордами, всегда находили защиту у графа Бедфорда. Несправедливо лишенные своих наделов и денег просили у графа помощи, и он ходатайствовал о них перед королевой – с неизменным успехом. После смерти графа они оплакивают его и свою долю, однако уверены, что душа его пребывает с Христом, чего нельзя сказать о «жестоким стюардах», которые отверчиваются от страждущих. В редких случаях автор печатной баллады-эпитафии все-таки выделял, не называя поименно, конкретных скорбящих. Ими оказывались супруги и дети, а вслед за ними, часто в одной строфе – родственники, слуги, арендаторы, йомены и соседи покойного, как, например, в уже цитировавшейся выше эпитафии сэра Уолсингема:

His Lady wails, his Daughter weeps, his kins-folke sighing sits,
His Servants wail and wring their hands as folk besides their wits.

¹⁵ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32265/xml>

¹⁶ The Shirburn ballads. С. 256-259.

Точно так же смерть графа Дерби (1572) являлась ударом для его друзей, йоменов и соседей:

What mourning make his friends, of him that are bereft?
 what mourning make his yomen all, that he behind hath left?
 How doth his neighbors all, that dwell in Lancashire?
 with sobs and tears they do deplore, this death of his to hear¹⁷.

Подобное перечисление несет в себе сильные следы феодальной модели связей в обществе, когда младшие члены семьи и различные категории слуг дома и вассалов одинаково причисляются к «ближним» покойного. Но такой подход казался авторам баллад естественным только если они поминали большого вельможу, чей образ жизни соответствовал этим традиционным критериям. В эпитафиях рыцарей и горожан круг близких обычно включал семью, друзей и коллег покойного. В случае похорон проповедника или епископа особо выделялась его осиротевшая паства.

Таким образом, печатная баллада-эпитафия гибко следовала за реалиями повседневной жизни, обозначая социальную ранжированность общества, но основной своей целью имела обратиться к внесловным переживаниям аудитории. Этому способствовал, безусловно, тот факт, что площадная баллада-эпитафия не несла в себе неотъемлемого признака элитарности: любой достаточно популярный в стране и столице человек мог быть помянут таким образом. Среди дошедших до нас баллад или их заглавий, при преобладании представителей властной элиты (которого и следовало ожидать), сохранились элегии в память купцов, городских магистратов, начальников военных отрядов, проповедников. Сам род площадной литературы не предполагал элитарности и выбирал объект прославления, исходя из прагматических соображений о том, чья смерть могла заинтересовать многочисленных читателей.

Не встречается в поминальной балладе и другой популярный топос эпохи, изображение смерти как «всеобщего уравнивателя», что свойственно циклам Плясок смерти. Баллада не подчеркивала иерархических, возрастных или половых различий усопших, но не говорила и об уничтожении этих различий. Скорее, все покойные воспринимались как члены одной неразделимой общины, в самом широком смысле слова. Велик соблазн охарактеризовать эту общность как «всех англичан и истинных христиан», но национальные и религиозные рамки, хоть и предполагаются авторами, но не подчеркиваются. Даже в случае, когда национальность усопшего значима и не может быть проигнорирована, она становится поводом для объединяющей морали. Примером может быть баллада в память французского проповедника Джона Верона. Автор баллады упоминает, что «Твоя родная страна не оценила твоего

¹⁷ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32154/xml>

ума, когда Господь призвал тебя проповедовать, и тогда ты покинул ее», упоминает о тех трудах, которые Верон положил на изучение английского языка¹⁸. Но, сделав в начале эпитафии эти замечания, автор оставляет тему национальности; дальнейшее перечисление добродетелей покойного и картина его всеобщего оплакивания ничем не отличаются от аналогичных эпитафий английских проповедников и прелатов.

Возможно, достоин выделения такой аспект единства усопших и поминающих, как «община верных подданных», поскольку мотив служения монарху и стране возникает достаточно регулярно как в эпитафиях военных, королевских советников, так и в балладах памяти простых рыцарей и купцов. Удостоенный баллады лондонский торговец Фрэнсис Бенисон, среди прочих его достоинств, «как многие купцы этой страны, пока был жив, увеличивал королеве ее коронные доходы со всем старанием, с самой юности преданный этой службе»¹⁹.

Итак, печатная баллада-эпитафия XVI в., с одной стороны, переосмысливает похоронный ритуал, ранжированный по знатности и роли во властной иерархии, в единое сообщество усопших и плакальщиков, тем самым выполняя объединяющую роль, приближая скорбь события ко всем читателям и слушателям. С другой стороны, баллада «работает» в той же плоскости, что и погребальная процессия XVI в. – в поле общественно значимого, публичного события. Похороны столь же громкое событие в городе, как приезд послов, юбилейные торжества или казнь преступников – именно эти события чаще всего отмечают горожане, делавшие дневниковые записи в XVI в. Генри Мачин за 13 лет ведения дневника отметил в нем почти 40 похорон [Machin 1563].

И, если дневные погребальные процессии и службы по умершему были призваны сплотить общину физически, то баллады стремились объединить ее духовно в едином порыве скорби и стремления подражать хорошим примерам. Это был моральный комментарий к зрелищу похорон – и, возможно, отчасти поэтому в XVI столетии баллады никогда не описывали и не комментировали собственно процессию, уделяя внимание лишь добродетелям покойного и скорби по нему.

Традиция сочинять и издавать баллады-эпитафии была невероятно устойчивой. Она прослеживается с самого момента зарождения печатных площадных баллад. Известно, что любая смерть в королевском семействе, начиная с безвременной кончины принца Артура, сына Генриха VIII, освещалась в печатных балладах. От ранних печатных эпитафий сохранились в лучшем случае названия или упоминания о самом факте их продажи, мы располагаем текстами этого жанра лишь начиная со второй половины XVI в. Однако с 1557 г. баллады лицензировались,

¹⁸ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32082/xml>

¹⁹ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32086/xml>

сведения о них вносились в Реестры компании книгоиздателей²⁰, и, согласно им, с 1557 по 1603 г. было лицензировано 63 баллады-эпитафии (баллады эпохи Елизаветы, не включая блока похоронных текстов в ее память). Кроме того, хорошо известно, что далеко не все печатники исправно лицензировали свои тексты, избегая уплаты пошлины. Сами Реестры имеют лакуны, а также не всегда указывают содержание баллады, лишь имя печатника и сумму пошлины. Таким образом, реальное количество поминальных баллад могло быть значительно больше. Это подтверждает тот факт, что заглавия почти двух десятков баллад-эпитафий, из числа сохранившихся до наших дней, не встречаются в Реестрах.

В целом, можно с некоторой долей уверенности заключить, что на протяжении полувека в течение каждого года появлялось от одной-двух до десяти баллад-эпитафий, каждая расходилась в сотнях экземпляров. Особо популярные фигуры удостоивались нескольких различных эпитафий. Как уже упоминалось, социальный срез лиц, удостоенных баллады-эпитафии, достаточно широк, то же можно сказать и о гендерном срезе: примерно каждая пятая эпитафия – памяти женщины. Смерть и похороны вне пределов Лондона не исключали появления печатных баллад, как было с Уильямом Греем, бароном Уилтоном (1562) или Маргаритой, графиней Норфолк (1564): он умер в поместье своей дочери, к югу от столицы, она – в Норидже. Определяющим фактором, по всей видимости, была популярность в Лондоне очередного усопшего, что обеспечивало издателей эпитафий доходом с продаж.

И здесь мы сталкиваемся с исключительно интересным фактом: род литературы, стабильно процветавший более полувека, стремительно деградировал в первые десятилетия XVII в. За три десятилетия XVII в. лицензировано всего 12 баллад-эпитафий. Количество нелицензированных, но дошедших до нас печатных эпитафий этого периода также крайне мало: менее 10 баллад. Среди них есть лишь одна, посвященная женщине – она написана на смерть Анны Датской, супруги Иакова I, и нет ни одной баллады этого периода, объектом поминания в которой стал бы кто-нибудь, кроме представителей высшей знати или членов королевской семьи. Зато появляются эпитафии на смерть зарубежных монархов, например, короля Швеции или старшего сына короля Богемии – тех, чья судьба в силу политических или династических причин волновала Англию в те годы. Для елизаветинской эпохи подобные площадные эпитафии совершенно нехарактерны, о кончине иностранных монархов сообщали баллады, написанные в ином жанре. Это были баллады-новости, в которых вместо призыва ко всеобщей скорби и рассказа о добродетелях покойного основное место занимал рассказ об обстоятельствах смерти, о ее причинах и возможных последствиях.

²⁰ A transcript of the Registers of the Company of Stationers of London. ...

Изменилось не только количество площадных баллад-эпитафий, изменилось и содержание текстов этого жанра. Баллада-эпитафия в XVII в. из оповещения общины о смерти одного из ее членов и призыва к общей скорби, в целом стала больше походить на балладу-новость, которая, комментируя смерть и похороны известной особы, рассматривала это событие словно «извне». Как правило, в XVII в. печатные эпитафии, помимо традиционного содержания, также описывали траурную процессию и комментировали участие в ней видных лиц двора.

Автору статьи не удалось обнаружить сведений ни об одной печатной эпитафии, посвященной персонам, чьи похороны происходили в ночное время, что логично: поскольку погребальная процессия исчезает из дневной, публичной жизни города, постольку она перестает быть и частью этой жизни. Учитывая, что нередко баллады-эпитафии продавали либо во время похорон, либо в ближайшие дни после, перед дверями церковей, очевидно, что и чисто прагматичные соображения удерживали книгоиздателей от выпуска текстов, для сбыта которых могло не найтись удачных «торговых площадок». Однако то, что и дневные похороны перестают быть популярным предметом для создания площадных текстов, а также сужается социальный и гендерный состав удостоившихся печатной эпитафии, а содержание начинает все в большей степени отражать внешний ход событий, – все это показывает, что не одни торговые соображения определяли суть изменений.

Возможно, эти изменения косвенно указывают на то, что похороны перестают быть одним из узловых моментов, связывающих воедино общность горожан. Речь, конечно, не идет о том, что похоронная процессия лишается зрителей: похороны монарха или представителя аристократии в XVII в. по-прежнему вызывают огромное стечение публики. Но возможно, публика эта начинает ощущать себя в большей мере зрителями, чем соучастниками события. Оплакивание умершего, становясь более индивидуальным переживанием, одновременно теряет свой смысл как общественное действие, призванное сплотить социум.

ИСТОЧНИКИ

- Broadside Black-letter Ballads Printed in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Ed by. J P. Collier. L: Thomas Richards. 1868. 166 с.
- English Broadside Ballad Archive (EBBA) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebba.english.ucsb.edu/>, свободный (дата обращения 15.11.2017).
- English family life, 1576-1716. An anthology from Diaries. Ed. by Ralph Houlbrooke. Oxf.: Basil Blackwell Ltd. 1988. 269 с.
- Machin H. The Diary of Henry Machin, Citizen and Merchant-taylor of London, from A.D. 1550 to A.D. 1563. L., N.Y., AMS Press. 1848. 530 с.
- Nashe T. The Works of Thomas Nashe. Ed. by Ronald Brunlees McKerrow. V. 1, L.: Printed by A. H. Bullen. 1904. 413 с.
- The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities of King James the First, His Royal Consort, Family, and Court. Collected from Original Manuscripts, Corporation Records, Parochial records etc. Ed. by John Nichols. L. Vol. 1-4. 1828.

The Roxburghe ballads. Ed. by John Payne Collier. 1847. 390 c.
 The Shirburn ballads, 1585-1616. Ed. Andrew Clark. Oxford: Clarendon Press, 1907. 380 c.
 A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554-1640. Vol. 1-2.
 Ed. by Edward Arber. L. 1875. 596 c.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Brady A. English Funerary Elegy in the seventeenth century: Laws in Mourning. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2006. 265 c.
- Cressy D. Birth, Marriage and Death. Ritual, Religion and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxf.: Oxford University Press. 1999. 641 p.
- Cultures of Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe. Ed. by Mia Koriola and Anu Lahtinen \ COLLEGIUM. Studies across disciplines in the humanities and social sciences. Vol. 18. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies. 2015. 200c.
- Gittings C. Expressions of Loss in Early Seventeenth-Century England / The Changing Face of Death: Historical Accounts of Death and Disposal. Ed by. Howarth G., Jupp P.C. L.: Palgrave Makmillan UK. 1997. C. 19-33.
- Gittings C. Death, burial and the individual in early modern England. L., Sydney: Croom Helm, 1984. C. 269
- Harding V. Burial of the plague dead in early modern London. / Epidemic Disease in London. Ed. by J.A.I. Champion. Centre for Metropolitan History Working Papers Series. No. 1, 1993 C. 53-64.
- Hart V. Art and Magic in the Court of the Stuarts. L: Routledge. 1994. 266 c.
- Koslofsky C. Evening's Empire: A History of the Night in Early Modern Europe. Cambr.: Cambridge University Press. 2011. 488 c.
- MacDonald M., Murphy T.R. Sleepless Souls. Suicide in Early Modern England. Oxf.: Clarendon Press. 1990. 369 c.
- Lang M. The History of Scotland from the union of the crowns to the union of the kingdoms. London: Longman, Hurst, Rees. 1819. 558 c.
- Laqueur T. Bodies, Death, and Pauper Funerals. / Representations. No. 1. 1983. C.109-131.
- Litten J. The English Way of Death: The Common Funeral Since 1450. L.: Robert Hale Ltd. 2007. 224 c.
- Pinsky R. The Situation of Poetry: Contemporary Poetry and Its Traditions. Princeton: Princeton University Press. 1978. 187 c.
- Range M. British Royal and State Funerals. Music and ceremonial since Elizabeth I. Woodbridge: The Boydell Press. 2016. 409 C.
- Slater S. The Illustrated book of Heraldry. Leicester: Anness Publishing. 2006. 256 c.

Карначук Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Томский государственный университет; karnach2005@yandex.ru

Disintegration of the communal unity feeling: funerals and broadside epitaphs in 1560-1630

The article points out synchronism in transformations of funerary procession of nobility and of broadside epitaphs in the early 17th century. After 1612 popularity of night funerals, which were cheaper and apt more for the expression of individual feelings than for the display of communal unity, was constantly growing. The article ponders over characteristic features of broadside epitaphs and marks constant flourishing of these texts in the second half of the 16th century. However, in the first decades of the 17th century broadside epitaphs underwent several quantitative and qualitative changes, simultaneous with the growing popularity of night funerals. The article suggests a hypothesis that these processes were connected and worked for disintegration of the communal unity feeling.

Keywords: Early Modern England, broadside literature, epiphaph

Nataliya Karnachuk, Ph.D. in History, Associate professor, English Philology Department, Tomsk State University; karnach2005@yandex.ru